

Андрей
МОЛЧАНОВ

**ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ**

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М76

Дизайн обложки *Юлии Межовой*

В оформлении обложки использованы фотографии из фотобанка
Shutterstock.

Авторы: FotograFFF, VLADJ55, topseller

Молчанов, Андрей Алексеевич.

М76 Главное управление / Андрей Молчанов. — Москва :
Издательство АСТ, редакция «Астрель-СПб», 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-17-163508-4

Мелкий бизнесмен Юрий Колокольцев, попавший в криминальную историю, соглашается обменяться документами с приятелем-милиционером и под его именем пойти работать клерком в МВД. Самого же приятеля не прельщает подобного рода стезя, он разочаровался в профессии и мечтает уехать в Америку, хотя протекцию в аппарат министерства ему составил дядя — вице-премьер правительства. Юрию же некуда деваться: он разбил чужую машину, ранил человека и теперь ему грозит тюремный срок. Он становится Шуваловым, въезжает в его квартиру и занимает предложенную по службе должность, с головой окунувшись в дележ собственности, межведомственные разборки, «крышевание» коммерсантов, интриги и круговую поруку. Так начинается его стремительное продвижение по гололеду карьерной лестницы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-163508-4

© Андрей Молчанов, текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2024

Часть первая

ГЛАВА 1

Очень тяжело, муторно и постыдно просыпаться в утренних сумерках камеры предварительного заключения.

Особенно с похмелья, усиливающего чувство вины как за свой добровольно отравленный организм, так и за пострадавший от твоих раскрепощенных алкоголем поступков общественный порядок.

Ободранная сухость в горле, словно я сжевал рулон наждачной бумаги, сведенный судорогой желудок и глупая моя голова, тяжелая, как пудовая гири.

Рядом со мной, уткнувшись лицом в обширный, от стены до стены, дощатый настил, этакую общественную кровать на взвод правонарушителей, храпело единственное, слава богу, неизвестное существо. Лохматое, в грязных джинсах и ободранной синтетической куртке. На свешенной с настила ноге неизвестного болтался стоптаный ботинок с прилипшим к подошве окурком, другая нога была нага, даже без носка. И отличала ее грязная мозолистая пятка.

Что же я вчера натворил?

И вспомнилось. Разрозненно, отрывочно, но волосы на голове сразу встали у меня дыбом от этих воспоминаний.

Вчера я стрелял в человека. И не просто стрелял, а стрелял на поражение, в голову, и попал.

А предшествовали меткому выстрелу обстоятельства сугубо житейские, на поводу у которых я легкомысленно пошел. Дернул меня бес поехать на машине к приятелю на день рождения, хотя жил тот в двух километрах от моего дома и я мог к нему вполне протопать пешком или же поймать левака. Ведь знал же, что буду там выпивать! Знал и то, что разойдемся поздно, но хотел, со всеми удобства-

ми усевшись в машинку, тихими переулками доругить до дома. Вероятно, с какой-нибудь залетной дамой, снятой на празднестве.

Вот и доругил. До первого перекрестка, где столкнулся с машиной. Как — не помню. Ударил в водительскую дверь. И в звуке удара было что-то жуткое, словно нутром ощутил, как за крашеной жестью и виниловой обивкой хрустнуло что-то живое и беззащитное.

Насчет беззащитности я, правда, ошибся. Из машины, отплеываясь матюгами, степенно извлек свои телеса дядя внушительных габаритов. И хотя был я, увы, пьян, однако уяснил мгновенно и убежденно, что и для дяди трезвость не норма жизни и состояние его сродни моему, словом, того же поля ягодка.

А покуда он, грязно выражаясь, выбирался из своей помятой колымаги, я последовал его примеру, одновременно отзванивая своему ближайшему дружку Юрке Шувалову, милиционерскому оперу. Произнес кратко, услышав его сонный голос:

— Попал в аварию в нашем районе, я пьяный, выручай... — И тут же дал отбой, ибо в последующий миг мой нечаянный оппонент достал из-под полы куртки «Макаров» и, разевая пасть, заорал в мой адрес типа: «Стоять, падла!» — наведя ствол на меня.

Я остолбенел на минуту, но тут из «Макарова» хлестнул оранжевый клин огня, и над моей головой, туго уходя в ночное небо, пропела пуля.

Я не знал, что имел в виду этот мужик: то ли напугать меня предупредительным выстрелом, то ли прострелить мне череп, — и среагировал механически. Выхватил из кармана газовый «Кольт», доставшийся мне по случаю, метнулся поближе к противнику и выстрелил практически в упор в его наглую физиономию.

И — обалдел. Ибо физиономия мгновенно превратилась в кровавую маску. Он взвыл, выронил свой «Макаров», обхватил ладонями лицо, а далее, как по мановению волшебной палочки, рядом с нами затормозила милицейская машина, в фиолетовом отсвете мигалок возникла искаженная злобой сиреневая, как у утопленника, морда патрульного, и тут сзади на голову мне словно обрушилась

бетонная балка. Ну и все. Тишина и покой. И только сейчас испарившееся в никуда сознание начинает неохотно возвращаться к воспаленным от алкогольных излишеств нейронам, ведущим переключку и подсчет невосполнимых потерь в своем личном составе.

Но что же случилось? Почему этот мужик умылся кровью от выстрела из газовика? Отлетели фрагменты гильзы? Но не могли они причинить ему такие увечья... Или померещилось мне в ночной темени этакое обилие крови?

Впрочем, ответ на этот вопрос мне, безусловно, прояснят, на гадания можно времени не тратить.

Я горестно вздохнул. Всю жизнь тюрюга ходила за мной по пятам, но, чувствуется, теперь зацепила своим когтем прочно, не открутишься.

Впервые я едва не угодил в колонию для малолеток еще в школе, хотя детство мое и юношество были вполне благополучными, как и семья, в которой я вырос, обитавшая в тихом спальном районе Москвы.

В семнадцать лет со мной произошла вопиющая нелепость: возвращаясь после уроков с одноклассниками по домам, мы, резвясь и дурачась, хлопая друг друга портфелями и кидаясь снежками, постепенно утрачивали в своих шалостях чувство меры. Удары становились все чувствительнее, а снежки — крепче и злее. Очередной снежный ком болезненно угодил мне в физиономию, и я, в то время перворазрядник по самбо, провел обидчику злую стремительную подсечку, отчего он, поскользнувшись на гололеде, совершил немислимый пируэт, воткнувшись головой в асфальт. Итог: смещение шейных позвонков, сотрясение мозга, возбуждение уголовного дела влиятельными родственниками пострадавшего и тяжкое его закрытие стараниями моих родителей и баснословными по тем временам деньгами.

Но я навсегда запомнил, когда милицейская машина увозила меня от дома в отделение к дознавателю, свое страшное осознание неотвратимого падения в цепкую, долгую бездну неволи.

Я ежился в холодной тряской клетке, куда, как в душегубку, тянуло серным выхлопом из проржавевшего глушителя, и думал поникло, что вот и окончилась школь-

ная моя безалаберность с родительской заботой, первыми влюбленностями, таинством распятия портвейна в подъезде на подоконнике, походами на подпольные рок-концерты и посиделками с друзьями и вскоре мне предстоит выживание в безысходной тюремной казарме.

Обошлось. Хотя как сказать? Меня исключили из комсомола, а потому в приемной комиссии института, куда я поступал, сделали все, чтобы завалить меня на экзаменах, а вернее, выставить мне тройки, хотя отвечал я на твердые пятерочки, но экзаменаторы, проникнувшись инструкциями сверху, бесстыдно выводили мне всякий раз удовлетворительно, не более того. Об этих инсинуациях партийно-комсомольского подполья мне проболталась секретарша приемной комиссии, возвращая аттестат.

А тут подоспело мое совершеннолетие, и я ахнуть не успел, как после домашнего блаженства, котлет и салатов с крабами, уютной кровати и незабвенных подруг угодил на призывной пункт.

То ли я вызывал в военкомате подозрения в своем тайном желании отвернуться от исполнения священного долга, а такое желание у меня определенно имелось, как и знакомый врач, давший мне надежду на откос по медицинским показаниям, но, так или иначе, на следующий день после дня рождения на порог квартиры заявились участковый и лейтенант из военкомата, предписав мне следовать за ними.

Как раз шел призыв, в который я столь трагически вписался.

Я попал в армейские силки, как зазевавшийся суслик в пасть удава. И первое свое пробуждение под казарменным сводом, на верхнем ярусе панцирной койки, за пару минут до подъема, запомнил как самое тягостное из всех своих пробуждений: вот тебе солдатские нары и два бесконечных года неволи и тягот. Безысходных.

Однако то пробуждение в сравнении с сегодняшним — благое событие. Ибо, чувствую, на сей раз двумя годами поражения в правах я не отделаюсь.

Существо на настиле всхрапнуло томительно, после, приподнявшись на локтях, надсадно откашлялось и наконец обернуло ко мне свой лик.

Это был скуластый, патлатый парень лет тридцати, с узким лобиком и тонкими потрескавшимися губами.

Парень обвел бесстрастным взглядом помещение, в котором находился, равнодушно кивнул мне, ощупал себя деловито — видимо выясняя наличие телесных повреждений, затем осторожно соскреб ногтем с носа коросту засохшей крови и хрипло, как бы для себя, изрек:

— Ну, как всегда. Приплыли. Все понятно. — Прищурился задумчиво, а после обронил в пространство: — Друг, закурить есть?

Я отрицательно покачал головой. Затем сказал:

— У тебя окурочек к подошве прилип.

Парень, отчего-то не удосужившись башмак снять, ловко, по-обезьяньи вывернул свою щиколотку обеими руками, будто проводил на ней болевой прием, и отсоединил сплюснутый бычок от подошвы.

На отсутствие второго ботинка внимания он не обратил.

Затем, морщась в каком-то раздумье, порылся в кармане куртки и вытащил из него серую замусоленную спичку.

Я не без любопытства наблюдал за его действиями. Передо мной находился, без сомнения, бывалый человек, и его навыки в преддверии моих тюремных перспектив, кто знает, может, и следовало перенять.

Парень внезапно надул пузырь сизую от недельной щетины щеку и резко, как бритвой, мазанул по ней головкой спички.

Спичка загорелась. Я сглотнул слюну от удивления, едва не закашлявшись.

Вскоре в камере поплыл табачный дымок.

— За что устроился? — по-товарищески протягивая мне окурочек, спросил собрат по несчастью.

Я отмахнулся от его любезного предложения. Ответил:

— Ушел в пике, ничего не помню.

— Вот и я тоже, — грустно поведал он. — Жду вспышек памяти или сведений со стороны. Пили у Люськи, да, было... Потом пошел за добавкой. Дальше — короткое замыкание. Но коли нас упекли не в вытрезвуху, а в реальную ментовку, значит, мы втянулись в историю с продолжением.

Дверь камеры отворилась.

— Колокольцев Юрий, на выход...

Я протер слипающиеся глаза. Молоденький, тоненький милицейский сержант, стоящий у входа в камеру, словно перенесся из прошлого, из далекой армейской учебки, и снова вытряхивал меня из сонного забытья в безрадостную действительность: дескать, вставай, новобранец, труба зовет! Да, труба мне. Поскольку не новобранец я, а задержанный и зовет меня следователь.

Видимо, это карма. И на сей раз я и впрямь буду сидеть. И поделом!

Руки за спиной, щербатая плитка милицейского предбанника под ногами, лестница на второй этаж, серые проплешины на истертом паркете, размытое спросонья и с похмелья пространство тесного коридора, наконец, дверь с табличкой.

Ну, держись, дружок.

А вот и дознаватель. Первое впечатление окрыляет. Женщина лет двадцати пяти, личико открытое, симпатичное, свежее, милицейский мундир с капитанскими погонами без складочки, макияж безукоризненный, а какие колени выглядывают из-под юбочки, так славно облегающей безупречный изгиб бедер, какие колени...

А вот колец на ней златых — множество, причем одно со скромным, но явно натуральным бриллиантом. Значит, дорогой следователь, обласканный, цену себе знающий, и уж наверняка не без почитателей прелестей, скрываемых за казенной одежкой... А тут я — с опухшей мордой, с перегаром и с горячим уголовным грехом за спиной. Нет надежд на совместный ужин с этой красавицей, а уж мечтам о прочем и вовсе отбой!

— Колокольцев Юрий Петрович... — констатировал следователь, цепляя небрежно перламутровым ноготком одну за другой лежавшие на столе бумаги, с моей персональной соотнесенные. — Что же вы так... неаккуратно?

— Карма, — сказал я без юмора.

— Твердой поступью идете на серьезный срок, — вполне дружелюбно продолжила она.

Положительные сексуальные эмоции начали стремительно угасать. Теперь мне хотелось одного: припасть к запотевшему бокалу с пивом. Последствия вчерашних

возлияний жестко брали свое, свербя в иссохшем нутре и нудной болью распирая череп.

— Итак, все ясно, — продолжила она с терпеливым вздохом. — Забыв, что смесь алкоголя и бензина крайне опасна, и возвращаясь на личном автомобиле домой в нетрезвом состоянии, вы совершили аварию, причинив имущественный ущерб гражданину Серослизову, находящемуся ныне в травматологическом отделении городской больницы за номером тридцать шесть...

— И чего с ним? — бесцеремонно перебил я ее тираду.

— Перелом трех ребер, трещина бедра... И многочисленные глубокие повреждения тканей лица дробовым патроном из незаконного, принадлежащего вам револьвера «Кольт» западногерманского производства.

— Как... дробовым? Это же газовая стрелялка...

— Дробовая и одновременно газовая, — пояснила она покладисто. — Патроны калибра девять миллиметров внешне отличаются лишь материалом гильз. У газового патрона они медные, у дробового — латунные. Уж коли носите ствол, разберитесь, как он стреляет и чем... Кстати, вам действительно не повезло: в барабане боевой патрон был один, остальные — так, для вони... По случаю, чувствую, вам игрушка перепала.

— Но жив, главное, этот-то?..

— Это главное, точно... — Она улыбнулась снисходительно. Губы у нее были сочные, даже припухлые, словно зацелованные, без следа помады, но очерченные самой природой безукоризненно, как рисованные. — Но вот второстепенных элементов набирается столько, что все главное и позитивное они перекрывают с лихвой. Начнем с физиологии...

— Имеете в виду нетрезвое состояние? — заторопился я с оправданиями. — Так я вам по этому поводу тоже деталь вставлю в смысле пояснений... Когда потерпевший из машины выполз, я его очень объективно рассмотрел... И хотя он полученными повреждениями некоторым образом маялся, но я по ста признакам уяснил: человек еще круче меня погулял. Его-то освидетельствовали? Да и ехал он, шляпа, с выключенными габаритами, отчего я его и не углядел в темноте. К тому же нарушение обоюдное...

— Это кто вам сказал? — Пауза. — Я, кстати, с Шуваловом час назад говорила... — Последнюю фразу она произнесла нейтрально, словно бы невзначай обронила. И потупила глазенки свои ясные, с давно изжитой, увы, наивностью. — Как вы ему вчера позвонить-то успели...

Я кивнул потерянно, в который раз с благодарностью вспоминая своего тезку и приятеля еще со школьной поры. Ныне капитан милиции, он служил в каком-то захолустном подразделении в области. Однако многими полезными связями обладал. И, видимо, теперь пытался благодаря им смягчить мою участь.

— Так вот, — продолжила она. — Серосливов был трезв, на то существует медицинский документ. А насчет нарушений... Что вы там про обоюдное? Вы под «кирпич» ехали...

— Никакого отродясь «кирпича» в этой местности не было!.. — возмущенно начал я, но она перебила:

— Висит там «кирпич». Но не висел бы, соглашусь, если бы Серосливов не был заместителем прокурора района. Понял? Теперь въезжай, в какой «кирпич» ты въехал! И кому рожу разворотил из левого ствола! — В голосе миллашки в милицейском мундире внезапно прорезались бескомпромиссные служебные интонации.

— И чего будет? — спросил я, преисполняясь беспросветной обреченностью.

— Будет уголовное дело. И подписочка о невыезде... Это Шувалову спасибо скажи. А то бы окунули тебя в камеру по подозрению в покушении... Ну, кое-какие детали насчет подписочки тебе твой друг объяснит...

— Это я понял, — послушно кивнул я.

— И что еще? Договаривайся с потерпевшим, вот.

— А получится договориться?

— Если повезет, — покачала она головой недоверчиво. — Если очень повезет. Но в любом случае это будет... — И с сокрушенным искренним выдохом прибавила: — Ну... очень дорого!

Я подписал необходимые бумажки, забрал документы и деньги, на удивление оставшиеся в сохранности, и вышел из сырого тепла милицейской шарашки в серую промозглость февральского денька. Все вокруг было словно замазано кистью в затхлой известке: и дома, и заснежен-

ные пустыри, и небо, и даже разноцветные машины лились блеклым, как манная каша, потоком в зев магистрального туннеля.

А через считанные минуты я уже сидел за столиком в пивном ресторане и тянул ледяное вожделенное пиво, заедая его колечками кальмаров, запеченных в колючем песочном кляре.

Владела мной тупая усталость и отрешенность, мысли были короткими и редкими, как свиная щетина, и я с огорчением покосился на озарившийся неоновой вспышкой экранчик телефона. Из бездумия моего приятного одиночества меня пытался истребовать некто, наверняка причастный к случившейся накануне беде. Я угадал: звонил спаситель, тезка Шувалов.

— Ну, злодей, отпустили тебя?

— Сказали передать тебе спасибо.

— Передашь. И не только мне, и не только на словах. Чтобы вечером был дома, подъеду.

— Дело серьезное?

— Нерадостное.

Отложив телефон в сторонку, я пригорюнился.

Да, теперь уж точно достала меня тюрьга!

Недаром мне говорил один битый мужик в мою бытность работы в артели на золотом прииске: все эзки, как правило, после второй ходки возвращаются в зону. В лучшем случае тень этой зоны всегда висит над ними, и только оплошаешь, накроет она тебя неумолимо. Как коршун зазевавшуюся мышь. Видимо, существует некое притяжение тюрьмы. И возвращаются в нее разное: кто по дурости, кто по недоразумению, а кто уже настолько к зоне привык, что дом она ему родной, а воля — так, сон, а во сне чего не начудишь, чтобы проснуться в безопасности, в родной реальности решеток и двухъярусных коек.

Вот и меня, много раз чудом не срывававшегося за опасный край, три раза пребывавшего под следствием, томило предчувствие: как-нибудь где-нибудь, но не примечу волчьей ямы, свержусь в нее... И молил про себя: не дай Бог!

А он взял да как дал!

Однако на Бога проверить нечего. Наши неудачи нами же и выпестованы.

Обидно другое: сейчас излет бесноватых девяностых, уже порастративших былую лихость, но с явными отголосками прошлых криминальных войн, убийств, грабежей и разбоев, которых успеть бы учесть, не то что раскрыть. И на таком бурном фоне общественной жизни мое отступление от норм закона эпизод в общем-то серенький. Тем более позавчера в нашем же районе в экипаж милицмейской машины, пытавшийся задержать нарушителя, тот бросил гранату. И скрылся. А вот мне, голубю мирному, крылышки мигом склеили.

Кто знает, может, гранатометатель этот был обкуреным недоумком и сейчас крестит лоб, недоумеая, как его пронесло легким пухом над милицмейской бездной. И может, сидит сейчас в этой же пивнухе, в ус не дует... А вот я попался, и пощады мне никакой. Не угодил я чем-то вышшим управляющим иерархам, загнавшим меня по случаю в непролазную колею.

Хорошо, и в самом деле умысел на теракт не шьют, все-таки прокурора покалечил.

За окном пивнухи — то же куцее разнообразие серых тонов, вялое соревнование их ущербных оттенков. Надо бы посмотреть, что с машиной, ведь стоит, брошенная, в злосчастном дворе, того и гляди разграбят. Но на это нет ни сил, ни желаний.

Посмотрев на свою физиономию в зеркале милицмейского туалета, я понял, что на работу сегодня идти некому, ибо в зеркале показывали ужасы, и лучшее, что можно сделать, — предаться тихому пьянству и размышлениям о грядущей горькой доле. Вернее, как выпутываться из ситуации, чреватой увесистым сроком заточения. Ведь статей целый букет!

Как ни крути, но длительная побывка в колонии за комфортабельную доставку своего туловища из гостей к дому рисовалась мне неотвратимо и убежденно. Как будто из всех дурных предчувствий уже вылепился на тайной кухне судьбы и тут же зачерствел в каменной грозной коросте пудовый кирпич приговора, должный шмякнуться мне на темя. К тому же ясно без подсказок, что срок могут дать по верхнему краю, учитывая прокурорский статус пострадавшего.

Я пребывал в унынии, но никак не в смятении и страхе. Мне даже было по-человечески жаль прокурора, но,

с другой стороны, вряд ли ему было жаль меня, а потому на поддержку с его стороны надеяться не приходилось. Единственный выход — откупиться. Но во что будет оценен ущерб? Все мои ценности — квартира и полиграфическая лавочка в полуподвале у метро. Там у меня ксероксы, обслуживающие потребности залетной публики. Лавочка, открытая на паях с партнером Изиком — бакинским пронырой, пытающим счастье в столице, — приносит доход, окупающий мои весьма рядовые потребности, но уж никак не ту взятку, которая покрыла бы отступные следствию и покалеченному законнику. Мир правоохранителей от меня далек, но, по слухам, мыслят там финансовыми категориями, далеко превосходящими мои фантазии. И нейтрализовать дензнаками сегодняшний переплет в состоянии разве владелец какой-нибудь нефтяной скважины. Но те, у кого она есть, передвигаются на персональных машинах и ответственности за случившиеся аварии не несут.

Однако, несмотря на текущий черный момент, кое-что мне придавало хоть вялого, но оптимизма. Во-первых, основной ценностью бытия я полагал свободу и этой ценностью в настоящий момент обладал. Мой жалкий бизнес, мой старенький автомобиль и моя типовая квартирка, похожая на одну из сот в улье города, рассматривались мной как некоторые базовые достижения, но никак не краеугольные камни бытия. Во-вторых, у меня был паспорт с действующей американской визой, и уже завтра я мог прибыть в город Нью-Йорк к постоянно проживающей там маме.

В Америку меня никогда не тянуло, но, если уж выбора не будет, помучаюсь на чужбине, тем более муки такого рода с точки зрения обитателя исправительной колонии увиделись бы верхом блаженства. А как отмаюсь по верхней планке возможного приговора, так и вернусь. Хотя тут не загадаешь, не один годик придется провести в чуждадных пампасах. Наконец, в-третьих. Мой закадычный дружок Юра Шувалов, светлая голова, что-нибудь да придумает. Парень он из среды деревенской, родители его и до сей поры живут в подмосковном селе, а в столицу еще ребенком его забрала на воспитание и иждивение бездетная родная тетка, уговорившая сестру приютить мальчиш-

ку у себя в городе. Да и что ему могла дать спивающаяся, с каждым годом пустеющая и в те давние времена деревня?

Недавно тетка отошла в мир иной, и Юрка досталась ее квартира, где он жил, как и я, в условиях холостяцкой вольницы.

Юрка донельзя ушлый и прожженный тип. И, несмотря на то что милиционер, авантюрист и та еще пройда! Помню, еще в сопливые школьные времена то и дело втягивал меня в мелкие, но отчаянные аферы: то в троллейбусах сдачу с платы за проезд собирали — мол, граждане, всю мелочь давайте сюда, мы в кассу гривенник по ошибке зарядили... Ну, с троллейбуса на троллейбус по трешке за вечер набирали. Для двух третьеклассников — богатство! Классе в четвертом продавали поддельные билеты в парк культуры «Сокольники», в пятом — меняли у иностранцев пионерские значки на жвачку и импортные сигареты. Я, собственно, составлял другу компанию, не более того. Нажива меня не интересовала, мошенничество откровенно тяготило, но как не поддаваться пламенным убеждениям моего неутомимого в поисках приключений товарища? Натуры, без сомнения, преступной. С другой стороны, бытует утверждение, будто преступник и полицейский — две стороны одной медали. Наверное, так. Вот и занесло прирожденного афериста на службу в милицию. Окончил он престижный юрфак МГУ, но никаких могущественных связей для устройства на теплое местечко к поре распределения не обрел, а потому подался в простые опера. Хотя ныне двоюродный его дядя выбился не куда-нибудь, а в вице-премьеры государства Российского. Правда, с отдаленным по кровному родству племянником не общался и судьбой его не интересовался совершенно.

Пожалуй, Юрка — единственный человек, с кем мне было всегда легко и просто, кто всегда поспешал на подмогу и воспринимал все мои просьбы как личные проблемы. А потому в нынешней ситуации надежды на него я возлагал значительные.

Из пивнухи побрел домой в унылости зимнего московского пейзажа, держась подальше от дороги, подернутой жирной черной пленкой, к конгломерату из химикатов,

сажи и грязи. Чистота на улицах Москвы имеет два состояния: либо когда грязь замерзает, либо когда засыхает.

Тусклое небо, тусклые панельные коробки, влажные коряги деревьев, переплетшие ветви словно в замершем соитии, протухший от выхлопов и соленого дворницкого пещка снег. Выцветший в тихую убогость мир. Элитная среда московского прозябания, благодать сирости. А вот стальная дверь знакомого полуподвала, бывшей подсобки местного жилуправления. Что ныне за ней — неизвестно и неинтересно, но часть моей жизни за этой дверцей осталась.

Когда-то здесь был подпольный цех, где во времена совдеповского дефицита с двумя бодрыми лоботрясами мы клепали высококачественную бижутерию. Работа была творческой, отчасти даже художественной, с элементом добросовестного копиизма высокохудожественных западных образцов, но окончилась печально: условным сроком за незаконное предпринимательство. Я был на подхвате, а потому получил лишь годик, а затем судимость мне сняли, ибо социализм начал перерождаться в капитализм и данное преступление в прозревшем прогрессивном обществе стало почитаться за праведную норму бытия. Лоботрясы же, ныне уважаемые владельцы сети ювелирных магазинов, угодили на пару лет за решетку. В их новое партнерство мне хода нет, я третий лишний. Впрочем, бедовали они в одной зоне, что способствовало сплочению их дальнейших коммерческих планов.

Накануне вынесения мне приговора умер отец, так что кто с корабля на бал, а кто с суда на похороны. Мама погоревала с годок, а после, будучи женщиной симпатичной и бойкой, познакомилась с заезжим американцем и отправилась ковать свое счастье в город Нью-Йорк. В ту пору кончались смутные восьмидесятые.

После отъезда родительницы в моем распоряжении осталась двухкомнатная квартира, некоторая сумма денег от реализованной криминальной бижутерии, правильная сексуальная ориентация и кучка знакомцев, близких к прежнему бизнесу, что были устремлены на добывание хлеба насущного в точности и сообразности с многочисленными статьями УК. Более того, меня тянули в набирающие силы бандитские группировки, в контрабанду